

САЙДЪ-АЗИМЪ-БАЙ.

(Изъ туркестанскихъ воспоминаний).

Наши завоеванія въ Средней Азіи и занятіе Туркестана, Кокана и другихъ мѣстъ, заставили насъ столкнуться и познакомиться съ новою средою инородцевъ, жившихъ своею жизнью, имѣвшихъ свою культуру и представлявшихъ много оригинальныхъ явлений. Этотъ инородческій міръ азіатцевъ представлялъ массу типовъ, которые уловить и понять намъ не всегда удавалось. Здѣсь были свои вожди, своя интелигенція, аристократія, свои дипломаты, политики, честолюбцы, герои и авантюристы.

Мы познакомимъ съ однимъ изъ даровитѣйшихъ представителей азіатцевъ, котораго многіе хорошо помнятъ. Эта сила, къ сожалѣнію, въ переходное время была дурно направлена и причинила много затрудненій и своимъ собратьямъ и намъ. Разгадать ее удалось не съ разу. Эта звѣзда имѣла свое время, она достигла высшей точки на своемъ горизонте, а затѣмъ имѣла свое паденіе и закатъ. Мы имѣемъ въ виду воскресить нѣкоторыя воспоминанія и сдѣлать небольшую характеристику этого азіатского типа.

Ловкій, умный, смѣтливый, Сайдъ-Азимъ - Муххамедъ-Баевъ началъ свою карьеру еще до прихода русскихъ. Происходя отъ рабовъ, онъ сперва и мечтать не смѣлъ о сколько-нибудь самостоятельномъ положеніи, — ему невозможно было выдѣлиться изъ толпы мелкихъ торговцевъ; а душа его между тѣмъ жаждала почестей, богатства, славы, — она не уживалась съ посредственностью. Оставалось одно изъ двухъ: или на вѣкъ проститься со всякими розовыми мечтами и запрятаться въ какую-нибудь темную лавченку грязнаго ташкентскаго базара, или же властвовать надъ тѣмъ самымъ обществомъ, которое не хотѣло признать его достоинства и принять въ свою среду. Жребій былъ брошенъ.

Первые усилия Сайдъ-Азима были направлены къ тому чтобы выслужиться передъ ташкентскимъ бекомъ *) и съ его помощью сдѣлаться известнымъ самому хану кокандскому; для этого были пущены въ ходъ всевозможныя средства, въ выборѣ которыхъ онъ не стѣснялся, — подкупъ, навѣты, доносы и т. п., все было хорошо для него, лишь-бы достиг-

нуть завѣтной цѣли. Такимъ образомъ, преодолѣвая всѣ препятствія, уничтожая всѣхъ противниковъ, постепенно поднимался онъ. Тогда-то поняли его сограждане, что напрасно презирали человѣка, который съ минуты на минуту изъ бѣднаго торговца могъ превратиться въ грознаго повелителя; они почувствовали на себѣ его силу и стали бояться; одни покорно подчинились его вліянію, другіе же, напротивъ, заставивъ свою злобу, стали въ сторонѣ, выжидая удобный случай, чтобы погубить его. Это не ускользнуло отъ прозорливости Сайдъ-Азима и заставило его призадуматься. Въ среднезаднестакихъ независимыхъ ханствахъ фортуна до того измѣнчива, что человѣкъ, пользующійся, напримѣръ, самыемъ почетнымъ, вполнѣ обезпеченныемъ положеніемъ, никогда не можетъ поручиться за завтрашній день:—мигомъ, благодаря какому-нибудь доносу, безъ всякой основательной причины, онъ можетъ лишиться не только званія и имущества своего, но даже и жизни. Убѣдившись на опытѣ въ непостоянствѣ судьбы, предусмотрительный Сайдъ-Азимъ принялъ пріискивать другой путь къ упроченію своего положенія.

Накопивъ кое-какія средства, онъ понемногу покинулъ административную дѣятельность и, точно судьба его подтолкнула, предался торговлѣ, но не мѣстной, которая не обѣщала большихъ прибылей, а виѣшней, представлявшей его предпріимчивому уму болѣе обширное поприще. Войдя въ сношенія съ русскими торговцами, онъ быстро подвинулъ свои торговые обороты и не ограничился однимъ Туркестаномъ и его западными окраинами,—частенько можно было его встрѣтить даже и на нижегородской ярмаркѣ. Однако, несмотря на первоначальный успѣхъ, обѣщавшій много въ будущемъ, честолюбивый Сайдъ-Азимъ не былъ въ состояніи удовольствоваться одною торговлею,—его натура стремилась къ болѣе многосторонней дѣятельности.

Тонкое чутье подсказало ему образъ дѣйствій, котораго ему слѣдовало придерживаться. Хотя и смутно, онъ все-таки догадывался,—какую важную, первостепенную роль придется въ недалекомъ будущемъ играть русскимъ въ Средней-Азіи. Какъ только русскія войска побѣдоносно вступили въ Туркестанскій край, Сайдъ-Азимъ-Бай былъ первымъ, чтобы ихъ встрѣтить. Послѣ этого ничего неѣть удивительного, что русскіе охотно приняли его услуги: для начала этотъ человѣкъ могъ быть очень полезнымъ.

Правдой и неправдой получивъ доступъ къ нашимъ властямъ, Сайдъ-Азимъ немедленно монополизировалъ себѣ это право. Онъ направилъ всѣ свои усилия къ тому, чтобы по возможности отстранить всѣхъ туземцевъ отъ администраціи и сдѣлаться передаточною, посредничествующею инстанціею

^{*)} Еще въ то время, когда Ташкентъ составлялъ отдельное бекство и зависѣлъ отъ кокандскаго хана.

между первыми и послѣднею,—чтобы помимо его ничто не творилось; однимъ словомъ, онъ умудрился убѣдить всѣхъ, что безъ него въ городѣ Ташкентѣ ничего нельзя предпринять и что онъ самый необходимый человѣкъ, безъ котораго шага нельзя сдѣлать, ни одной мѣры предпринять, никакого порядка устроить. Добившись этого результата и имѣя противъ всякихъ бѣдъ и напастей твердую, постоянную опору въ нашей администраціи, ему уже нетрудно было воспользоваться плодами своей ловкой политики.

Возбуждалъ противъ себя негодованіе, вполнѣ справедливое, соотечественниковъ своихъ, Сайдъ-Азимъ относился къ этому совершенно равнушно; онъ зналъ, что его боялись и что онъ въ состояніи принудить къ смиренію каждого, кто осмѣлился бы открыто ему противодѣйствовать. Постепенно онъ пріобрѣлъ такое громадное вліяніе, что туземное населеніе Ташкента стало считать его вторымъ лицомъ въ городѣ послѣ генераль-губернатора. Противниковъ своихъ Сайдъ-Азимъ держалъ въ постояннѣмъ страхѣ, чьему немало способствовали многочисленные его сторонники; сторонника-ми же его были: или раздѣлявшіе съ нимъ незаконно-приобрѣтаемыя выгоды, или получавшіе отъ него плату и подарки и служившіе ему послушными орудіями для достижения его цѣлей, или же, наконецъ, принужденные подчиняться его требованіямъ изъ боязни гоненій.

Благодаря ловкости и изворотливости, Сайдъ-Азимъ-Баю всегда удавались всѣ продѣлки, незаконность которыхъ оставалась скрытою отъ русскихъ. Послѣдніе были вполнѣ убѣждены, что этотъ человѣкъ совершенно преданъ ихъ интересамъ. И въ самомъ дѣлѣ, истину было трудно открыть. Сайдъ-Азимъ никогда не отказывался ни отъ какой благотворительности (даже въ пользу русскихъ), ни отъ одного по-жертвованія, съ замѣчательнымъ гостепріимствомъ и радушіемъ принималъ у себя завоевателей, задавалъ въ честь ихъ пиры и празднства, никогда не упускалъ ни одного удобнаго случая, чтобы оказать какую-нибудь услугу,—короче сказать, искусно пускалъ пыль въ глаза.

Въ дѣйствительности было совсѣмъ другое.

Передъ русскими и передъ своими соплеменниками Сайдъ-Азимъ представлялъ изъ себя два совершенно различныхъ лица. Передъ русскими всегда покорный, ласковый, улыбающійся, предупреждающій малѣйшія желанія, готовый на всякую услугу. Можно было бы подумать, что преданность его не остановится ни передъ какими жертвами. Въ средѣ же своихъ соотечественниковъ это былъ совсѣмъ другой че-

ловѣкъ: чрезвычайно высокомѣрный, повелительный, отдающій приказанія тономъ, нетерпящимъ противорѣчій, угрожающей наказаніемъ за всякое неповиновеніе, онъ походилъ скорѣе на независимаго хана ташкентскаго, чѣмъ на нашего подданныаго,—мы же были лишь его вѣрными помощниками, добрыми друзьями. Любопытно было посмотретьъ, когда онъ ѿхалъ по туземному городу: въ великолѣпномъ халатѣ, на отличной лошади, покрытой богатою попоною, важно подвигался онъ въ сопровожденіи многочисленной свиты. Встрѣчные обязаны были привѣтствовать его почтительными поклонами,—въ противномъ же случаѣ они подвергались замѣнѣніямъ. Тамъ же, гдѣ было большое стеченіе народа, сателлиты его кричали: „Турунгъ-Бай-Каля“! т.-е. встаньте, господинъ ѿдетъ. Ни дать, ни взять, ханъ кокандскій или эмиръ бухарскій. Играя въ двойную игру, Сайдъ-Азимъ пользовался каждымъ случаемъ, чтобы выставить насъ въ черномъ свѣтѣ передъ туземцами, а себя выказать единственнымъ ихъ защитникомъ. Очень старательно поддерживалъ онъ въ своихъ соплеменникахъ убѣжденіе, что если-бы его не было, то всевозможныя бѣды непремѣнно обрушились-бы на нихъ, и что если ихъ щадятъ, то единственно по его милости, такъ какъ русскіе страшатся его вліянія въ туркестанскомъ краѣ.

Доискаться истины было тѣмъ труднѣе, что мусульмане, не довѣряя кѣфирамъ *), клонились болѣе въ сторону своего единовѣрца. Азимъ-Бай росъ.

К—ъ.

(Окончаніе будетъ).

САИДЪ-АЗИМЪ-БАЙ.

(Изъ туркестанскихъ воспоминаний).

(Окончаніе).

Завидно было смотрѣть, съ какою увѣренностью Саидъ Азимъ-Бай распоряжался въ туземной части Ташкента, точно онъ имѣлъ на то законное право. Туземцы, въ особенности же должностныя лица, какъ-то: аксакалы¹⁾, кази²⁾, курбashi³⁾ и др., обязаны были приходить къ нему на поклонъ съ приличными приношеніями. Несоблюдавшій этого и выказывавшій себя недоброжелателемъ правителя-самозванца, преслѣдовался самыи жестокимъ образомъ и погибалъ жертвою ложныхъ навѣтровъ, которые, къ несчастію, всегда достигали желаемой цѣли. Вліяніе Саидъ-Азима было до того сильно, что должностныя лица изъ туземцевъ избирались только по его указаніямъ, почему они большею частью и были его послушными слугами. Безъ посредничества Саидъ-Азима рѣдко какое дѣло обходилось; онъ вмѣшивался во все и по всемъ дѣламъ давалъ совѣты, получая за нихъ

¹⁾ Аксакалъ—старшина: отъ словъ акъ—блѣдый и сакалъ—борода.²⁾ Кази—судья³⁾ Курбашъ—полиціймейстеръ.

и плату, и подарки. Нужно-ли было какому нибудь сарту⁴⁾ удостовѣреніе о личности, или поручительство, обращались все къ тому же Саидъ-Азиму, безъ помощи котораго это было сопряжено съ большими затрудненіями. Почти ни одинъ подрядъ не обходился безъ Саидъ-Азима,—отъ каждого онъ имѣлъ прибыль; а между тѣмъ бралъ онъ подряды самыи плутовскими образомъ и о точности ихъ исполненія никакъ не заботился. Когда нужны были деньги, Саидъ-Азимъ не стѣснялся занимать ихъ у кого только хотѣлъ, но объ уплатѣ долговъ и не думалъ, вполнѣ увѣренный, что кредиторы побоятся съ него взыскивать и, вооружась терпѣніемъ, будутъ ожидать, когда ему самому вздумается уплатить. Въ особенности Саидъ-Азимъ былъ мастеръ преслѣдовать своихъ враговъ; должно обвинивъ кого нибудь, онъ тотчасъ представлялъ ложныхъ свидѣтелей, подкупалъ казіевъ, добывалъ фальшивые документы.

Въ доказательство всего сказанного можно бы привести множество примѣровъ самоуправства Саидъ-Азима; ограничимся на этотъ разъ однимъ наиболѣе выдающимся.

Всѣмъ, я думаю, извѣстно, что населеніе Средней Азіи дѣлится на различныя племена, какъ-то: узбековъ, таджиковъ, киргизовъ, кара-киргизовъ и др.; но кроме этого дѣленія существуетъ еще другое—на „черную“ и „блѣдную“ кость. Подъ черною костью подразумѣваются низшіе слои средне-азіатскаго населенія. Къ блѣдой же кости принадлежать тѣ мусульмане, которые отличаются знатностью своего происхожденія; къ послѣдней, между прочимъ, относятся всѣ ходжи ²⁾). Ходжи считаютъ себя прямymi потомками знаменитыхъ халифовъ Али, Абубекра, Османа и Омара, и, гордясь своимъ родствомъ съ пророкомъ „Мохаммедомъ“ какъ блюстителемъ мусульманства, избѣгаютъ всякихъ сношеній съ кяфирами-завоевателями; впрочемъ, и отъ черной кости они держатся далеко, такъ какъ сближеніе съ нею признаютъ великимъ для себя униженіемъ. Про ходжей говорятъ, что большинство изъ нихъ—суфіи, т.-е. люди постоянно занимающіеся богословіемъ и придерживающіеся правила, „гушъ дядямъ“ ³⁾), что значитъ—чтобы ни одного дыханія не было безъ мысли о Богѣ. Люди эти отличаются отъ другихъ мусульманъ примѣрною нравственностью, строгою жизнью, согласною съ закономъ Мохаммеда, и благотворительностью. Со времени владычества хана Кокандскаго Мохаммеда-Али-Хана, въ Ташкентѣ пользовались наибольшими извѣстностью и уваженіемъ семейства трехъ ходжей: Ханъ-Тюря-Ишана, Юсуфъ-Ханъ-Ишана и Ишана-Вали ⁴⁾). Эти ходжи на собственный счетъ построили большія медрессе ⁵⁾), въ которыхъ на своемъ иждивеніи содержали нѣсколько тысячъ учениковъ.

Избалованный судьбою, не встрѣчая болѣе затрудненій къ удовлетворенію всѣхъ своихъ желаній, Сайдъ-Азимъ-Бай не могъ равнодушно смотрѣть на ходжей, которые упорно отказывались отъ всякаго сближенія съ нимъ, ссылаясь на его низкое происхожденіе. Зная ихъ набожность, онъ сперва попытался склонить ихъ на свою сторону разными пожертвованіями въ пользу мечетей и училищъ, раздачею милостыни

¹⁾ Сартъ—городской житель.

²⁾ «Ходжей» не слѣдуетъ смѣшивать съ хаджами. Название «ходжи» можетъ получить всякий, побывавшій въ Меккѣ.

³⁾ Слово въ слово—мысль надъ дыханіемъ.

⁴⁾ Всѣ трое считаются «аулі», т.-е. святыми.

⁵⁾ Медрессе—училище.

и т. п., потомъ даже выстроилъ на свой счетъ большую мечеть. Но это не подействовало,—ходжи попрежнему относились къ нему съ презрѣніемъ и непріязнью; тогда онъ прибѣгнулъ къ разнаго рода угрозамъ, придиркамъ и преслѣдованіямъ, но и это ни къ чему не повело. Видя безуспешность всѣхъ своихъ усилий, онъ рѣшилъ во что бы то ни стало сломить гордость ходжей, почему и задумалъ городничиться съ ними, приготовившись, па случай отказа, прибѣгнуть даже къ насилию. Для выполненія своихъ замысловъ,

онъ обратилъ внимание на девятилѣтнюю Баби-Зайнябъ дочь извѣстнаго Юсуфъ-Ханъ-Ишана, о которомъ мы только что говорили; дѣвочка эта по матери доводилась племянницей бывшему владѣтелю Кашгара, Якубъ-беку.

И вотъ онъ подсылаетъ къ ходжамъ одного богатаго ташкентца, по имени Абуль-Касимъ-Хана, съ предложеніемъ отдать ему девятилѣтняго ребенка въ жены, угрожая, въ случаѣ отказа, навлечь всевозможныя бѣды на ея родителей. Удивленные и вмѣстѣ съ тѣмъ взбѣшенные такою дерзостью, ходжи дали слѣдующій отвѣтъ:

„Каждому добруму правовѣрному должно быть извѣстно, что постановлено въ книгѣ «Гидаетъ-аль-бидая» ¹⁾, во второй части о бракѣ. Пророкъ Мохаммедъ сказалъ: да было бы извѣстно, что безъ согласія отца или брата женщина не можетъ выйти замужъ; въ противномъ случаѣ долженъ быть совершенъ разводъ“. Сайдъ-Азимъ вѣроятно забылъ, что при женитьбѣ требуется равенство происхожденій, а между тѣмъ, мусульмане происходятъ отъ разныхъ родовъ, изъ которыхъ одинъ выше другого. Мы-же, ходжи, какъ прямые потомки Мохаммеда, считаемся выше всѣхъ родовъ, принадлежаимъ къ бѣлой кости, а потому никакъ не можемъ унизиться родствомъ съ черною костью, къ которой принадлежитъ Сайдъ-Азимъ. Кроме того, наша дочь несовершеннолѣтняя, а Сайдъ-Азиму подъ пятьдесятъ“.

Получивъ такой положительный отказъ, честолюбивый плебей еще болѣе озлился. Онъ считалъ себя чуть-ли не ханомъ Ташкентскимъ, и вдругъ какіе-нибудь ходжи осмѣливались не повиноваться ему! Чтобы наказать непокорныхъ, онъ приказалъ нѣкоторымъ изъ своихъ приближенныхъ украсть дѣвочку; но ходжи были на-сторожѣ и похитители вернулись съ пустыми руками. Оставалось единственное средство, хитрость, къ которому и прибегнулъ Сайдъ-Азимъ. Онъ подкупилъ судью Азимъ-Кази и поручилъ ему такъ оформить дѣло, чтобы имѣть законное право требовать дѣвочку къ себѣ. Азимъ-Кази назвался въ гости къ ходжамъ; припятый весьма радушно, онъ вывелъ изъ оказанного ему гостепріимства заключеніе, что ходжи согласны, почему немедленно и составилъ фальшивый риваятъ ²⁾, скрѣпивъ его печатями своею и муфтія ³⁾, будто родители дѣвочки согласны отдать ее въ жены Сайдъ-Азиму. По этому подложному документу Сайдъ-Азимъ сталъ требовать свою невѣstu; ходжи воспротивились и дѣло перешло на судъ русскихъ властей. Не зная ни русского языка, ни русскихъ законовъ, ходжи выбрали своимъ повѣреннымъ одного очень почтенного и ученаго татарина; иначе борьба была-бы неровная. Русскіе ходжей не знали и, кромѣ того, повѣрили навѣтамъ Сайдъ-Азима, который по-

¹⁾ Собрание мусульманскихъ законовъ.

²⁾ Риваятъ—рѣшеніе.

³⁾ Муфтій—секретарь кази.

спѣшилъ выставить ихъ бунтовщиками и врагами русскихъ ¹⁾). Если бы не повѣренный (извѣстный ташкентскій житель Алимъ-Хаджи-Юнусовъ, получившій воспитаніе въ казанскомъ университѣтѣ), дѣло было бы непремѣнно проиграно. Послѣ долгихъ споровъ состоялось, наконецъ, неподтвержденное оригинальности постановленіе: „Сайдъ-Азimu въ искѣ отказать, дѣвочку, какъ несовершеннолѣтнюю, выдавать замужъ нельзя, по достижениіи же ею совершеннолѣтія предоставить ей выборъ жениха, а Сайдъ-Азиму право свататься“. Потерпѣвъ неудачу, Сайдъ-Азимъ обрушилъ весь свой гневъ на повѣренаго, добросовѣстно исполнившаго свою обязанность. Несчастный старикъ, не разъ доказавшій свою преданность Россіи ²⁾, былъ, вслѣдствіе взвѣденныхъ па него Сайдъ-Азимомъ обвиненій, посаженъ въ тюрьму, а потомъ высланъ на цѣлый годъ въ Лепсинскую станицу ³⁾.

Примѣръ этотъ довольно наглядно доказываетъ, какъ было трудно бороться съ Сайдъ-Азимомъ. Самые отважные изъ его противниковъ принуждены были присмирѣть и ожидать лучшаго времени, чтобы свергнуть ненавистное иго своего соотечественника. А между тѣмъ, Сайдъ-Азиму этотъ страхъ былъ на-руку,—еще болѣе прежняго принялъ онъ своевольничать и угнетать своихъ согражданъ; онъ дошелъ, наконецъ, до того, что не только пересталъ скрывать свои дѣйствія отъ русскихъ, но даже во многихъ дѣлахъ открыто явился ихъ конкурентомъ. Частенько стали доноситься до ушей нашихъ властей дерзкіе отзывы Сайдъ-Азима о нашихъ порядкахъ, чашей слабости, о шаткости нашего положенія въ Туркестанскомъ краѣ и т. под. Однимъ словомъ, смѣлый авантюристъ бравировалъ; онъ былъ уже черезъ-чуръувѣренъ въ своемъ могуществѣ, считая русскихъ лишь орудіемъ для достижениія его честолюбивыхъ и корыстолюбивыхъ замысловъ,—чаша переполнилась. Нѣкоторымъ изъ русскихъ удалось подробно разузнать о продѣлкахъ Сайдъ-Азима и о томъ, въ какое неловкое и даже опасное положеніе онъ ставилъ насъ по отношенію къ туземному населенію и насколько вредно было для нашего авторитета его вліяніе. Когда истина начала понемногу обнаруживаться, враги Сайдъ-Азима подняли головы и со всѣхъ сторонъ раздались жалобы на его беззаконія. Русскіе спохватились наконецъ, но сдѣланную ошибку не легко было поправить, тѣмъ болѣе, что это набросило бы весьма неблаговидную тѣнь на наше управлѣніе, поддавшееся, хотя и случайно, вліянію одного человѣка; сразу никакъ нельзя было отказаться отъ авантюриста. Поэтому прибѣгли къ слѣдующему средству: пріискали Сайдъ-Азиму соперниковъ изъ туземцевъ, принадлежавшихъ къ лучшей части населенія.

Къ счастью нашему, въ этотъ разъ выборъ оказался удачнымъ: онъ палъ на людей болѣе достойныхъ, пользовавшихся всеобщимъ уваженіемъ. Главнѣйшими были: Джура-Бекъ ¹⁾, Баба-Бекъ ²⁾ и другіе беки, потерявши свои владѣнія во время послѣдней войны нашей съ Бухарою. Люди эти откровенно ненавидѣли Сайдъ-Азима, но они долго привыкли молчать, такъ какъ опасались его преслѣдованій. Изъ нихъ всѣхъ одинъ Джура-Бекъ сохранилъ свою самостоятельность; почти во всемъ онъ являлся ярымъ противникомъ хитраго временщика. Но одинъ въ полѣ не воинъ, по этому Сайдъ-Азимъ не обращалъ никакого вниманія на его ненависть. Но вотъ времена измѣнились и авторитетъ временщика подорвался въ конецъ. Джура-Бекъ и его единомышленники изъ отъявленныхъ враговъ нашихъ превратились вдругъ въ людей полезныхъ, преданныхъ нашимъ интересамъ, готовыхъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ доказать свою услужливость. Ихъ заслуги были достойными образомъ оцѣнены: они выдвинулись на первый планъ, а Сайдъ-Азимъ былъ отодвинутъ на второй. Замѣтивъ его паденіе, всѣ недовольные поднялись сразу и обвили его за обвиненіями посыпались на него. Сайдъ-Азиму поневолѣ пришлось притихнуть; онъ смирился и стушевался куда-то, разсѣялась и его партія. Но тѣмъ не менѣе память о его вліяніи, въ переходную эпоху, о его недюжинныхъ способностяхъ осталась въ преданіяхъ.

К—тъ.

байкальской желѣзныхъ дорогахъ...

Припомнімъ, что писалось на этихъ страницахъ еще въ ноябрѣ прошлаго года (см. статью „Маги и волшебники“ путевскаго вѣдомства, въ № 250 „Сиб. Вѣд.“ отъ 4 ноября 1908 г.) по поводу назначенія комиссіи подъ предсѣдательствомъ старшаго инспектора М. А. Стржижевскаго для выясненія размѣра злоупотребленій и хищений и виновныхъ въ нихъ на Ташкентской желѣзной дорогѣ, гдѣ на долю этого достойнаго представителя загадочнаго института желѣзно-дорожной инспекціи выпала неблагодарная, въ сущности, гастроль ревизора худшаго сорта, такъ какъ ревизующій туркестанскую администрацію, сенаторъ графъ Паленъ, успѣлъ еще до прїезда г. Стржижевскаго натолкнуться на организованное расхищеніе желѣзно-дорожныхъ грузовъ, въ которомъ обнаружено участіе уже 200 желѣзно-дорожныхъ служащихъ, которымъ едва-ли удастся выскользнуть изъ рукъ строгаго ревизора-сенатора, безспорно серьезнаго и опытнаго юриста, а не дилетанта въ судебноСлѣдственномъ дѣлѣ.

Вся безплодность ревизіонной дѣятельности г. старшаго инспектора Стржижевскаго на Ташкентской желѣзной дорогѣ теперь не только обнаруживается съ безспорною очевидностью, но и подтверждается съ полною наглядностью самимъ фактомъ новой командировки главнаго инспектора, т. с. А. Н. Горчакова, — съ особыми, впрочемъ, на этотъ разъ полномочіями — для производства повторной, въ сущности, ревизіи все на той же Ташкентской жел. дорогѣ.

Чего же ожидать на этотъ разъ отъ другого тоже не-юриста, т. с. А. Н. Горчакова, въ свое время производившаго подобныя же чрезвычайныя ревизіи и на Сибирской, и на Забайкальской желѣзныхъ дорогахъ, чудовищныя „панамы“ которыхъ и по-сейчасть остаются не ликвидированными, какъ и знаменитая, монгольтняя „хапченковская эпопея“ на Самаро-Златоустовской жел. дорогѣ, главный герой которой, 6 ноября 1906 года отстраненный отъ должности начальника материальной службы и преданный за тѣмъ суду, до сихъ поръ, однако, ускользаетъ изъ рукъ правосудія, благодушно проживая въ г. Казани, вмѣсто того, чтобы отбывать наказаніе въ арѣантскихъ отдѣленіяхъ?.. Вѣдь, служебная „дѣятельность“ и этого „героя“ протекала на глазахъ у ревизующихъ инспекторовъ института желѣзно-дорожной инспекціи, и

„хапченковская дровянай эпопея“ подвергалась въ два приема разслѣдованію чрезъ посредство особой междувѣдомственной комиссіи (подъ предсѣдательствомъ инспектора управлениія по сооруженію (!) желѣзныхъ дорогъ, инженера пут. сообщ. д. с. с. П. А. Голшина, назначенаго для такой миссіи стараніями „ворожившей герою... бабушки“), и въ результатѣ: „герой“, несмотря на отдачу подъ судъ, — до сихъ поръ благодушествуетъ на свободѣ! Нашелся „магъ и волшебникъ“... „иже и скоты милуетъ“, когда это ему выгодно, и, присвоивъ себѣ право помилованія, выпустилъ гадину...

Какъ же послѣ всего этого не относитьсь подозрительно ко всѣмъ подобнымъ вѣдомственнымъ и даже междувѣдомственнымъ ревизіонно-слѣдственнымъ комиссіямъ съ какимъ-либо оберъ- или субъ-инспекторомъ не-юристомъ во главѣ? Какъ же не смотрѣть съ недовѣремъ на этихъ ревизоровъ, не давшихъ никакихъ доказательствъ своего не только желанія, но и умѣнья проявить необходимую для успѣха дѣла ревизіи объективность и способность совершенно отрѣшиться отъ общности личныхъ и служебныхъ интересовъ ревизуемыми?...

Э.

Ташкентскій Хлестаковъ и генералъ Толмачевъ.

3

(Письмо въ редакцію).

Съ весны прошлаго года мусульманское населеніе Азіатской Россіи и Бухары, Хивы и Кашгара взволновано небывалою по своимъ размѣрамъ грандиозною афорою, устроенною ташкентскимъ сартомъ Сандгани Сейдазимбаевымъ по эксплоатациі паломничества мусульманъ въ священные города Мекку и Медину.

Въ свое время обращено было на это дѣло вниманіе, какъ столичной, такъ и провинциальной печати. Въ газетѣ «Ташкентскій Курьеръ» помѣщены были цѣлыя ряды обличительныхъ статей подъ названіемъ «паломническая панама».

Какъ видно изъ этихъ свѣдѣній, названный Сейдазимбаевъ, пользуясь содѣ-

ствіемъ и покровительствомъ члена Гос. Думы г. Сыртланова, подъ благороднымъ предлогомъ защиты паломниковъ отъ эксплоатациі въ пути слѣдованія ихъ г. Мекку, добился въ министерствѣ ви. дѣ. офиціального назначенія его руководителемъ паломническаго движенія мусульманъ. Онъ заручился отъ министерства ви. д. и путей сообщ. открытыми листами для оказанія ему всевозможнаго содѣйствія, а затѣмъ въ сопровождениі того же члена Думы г. Сыртланова, онъ ѿдѣть въ Одессу и входитъ въ какое-то соглашеніе съ одесскимъ генераль-губернаторомъ ген. Толмачевымъ. Результатомъ этого соглашенія явилось изданіе, на основаніи военнаго положенія, извѣстнаго обязательнаго постановленія ген. Толмачева, въ силу коего паломникамъ-мусульманамъ вмѣнялось въ обязанность останавливаться въ г. Одессѣ только въ устроенному для нихъ г. Сейдазимбаевымъ «хаджи-ханѣ», воспрещалось отлучаться изъ «хаджи-ханѣ», безъ разрѣшенія хозяина этого учрежденія, и то не иначе, какъ въ сопровождениі агентовъ послѣдняго—и входить въ общество съ посторонними людьми. Санитары «хаджи-ханѣ» (нанимаемые Сейдазимбаевымъ!) осматриваютъ паломниковъ и даютъ имъ разрѣшеніе на дальнѣйшее слѣдованіе въ Мекку. Отправляютъ ихъ на пароходахъ опять-таки агенты Сейдазимбаева и т. д. и т. д. Все это сдѣлано было ген. Толмачевымъ въ нарушеніе установленныхъ закономъ правилъ въ цѣляхъ яко бы огражденія г. Одессы отъ занесенія холеры, между тѣмъ, какъ всѣмъ и каждому было известно, что паломники слѣдуютъ изъ вполнѣ благополучныхъ по холерѣ мѣстностей!..

Результаты всего этого не заставили себя долго ждать. Запыхали повсюду агенты Сейдазимбаева, устраивая дѣятельную облаву на паломниковъ по всѣмъ желѣзодорожнымъ линіямъ Европейской и Азіатской Россіи при содѣйствіи мѣстной полиціи и администраціи. Паломники, сотнями и тысячами попадая подъ офиціальную опеку г. Сейдазимбаева, становились беспомощными жертвами беззастычной эксплоатациі

агентовъ этого предпринимателя, набранныхъ имъ изъ разнаго рода сброва. Поощранные въ пути елико возможно, паломники неизбѣжно попадали въ «изоляціонно-дезинфекціонную камеру «Сейдазимбаева и К°», въ Одессѣ, именуемую въ толмачевскомъ обязательномъ постановленіи «хаджи-ханѣ», откуда они высоваживались лишь послѣ того, какъ они надлежащимъ образомъ были «продезинфірованы» г. Сейдазимбаевымъ.

Какъ производилась эта «дезинфекція» паломниковъ, мы знаемъ, какъ изъ газетныхъ сообщеній, такъ и жалобъ самихъ паломниковъ, поданныхъ ими правительстvenнымъ лицамъ и учрежденіямъ. По рассказамъ вернувшихся хаджей (паломниковъ) г. Сейдазимбаевъ вытворялъ съ ними невѣроятныя вещи: выдерживалъ онъ многихъ въ хаджи-ханѣ по цѣлымъ недѣлямъ, заставляя ихъ платить огромныя деньги за суточное «содержаніе». Паломникамъ дозволялось производить покупки не иначе, какъ черезъ агентовъ хаджи-ханѣ. Отъ паломниковъ требовалась покупка билетовъ по морю непремѣнно въ оба пути по высшему классу, причемъ Сейдазимбаевъ обязывалъ ихъ ѿхать только на пароходахъ общества Добровольного флота, которое избрало его, Сейдазимбаева, своимъ генеральнымъ агентомъ, и платило ему за такую услугу по 15% со стоимости проѣзда каждого паломника. Словомъ, грозное толмачевское обязательное постановленіе, влекущее для послушника весьма тяжкія послѣдствія (арестъ до 3 мѣсяцевъ или штрафъ до 3000 руб.), примѣнялось Сейдазимбаевымъ къ паломникамъ по всей его строгости и помогало предпримчивому сарту туго набить карманы. Особеннымъ вниманіемъ г. Сейдазимбаева ѿ этомъ отношеніи пользовались киргизы, узбеки и кашгарцы, какъ люди болѣе простодушные и невѣжественные.

Если принять въ разсчетъ, что г. Сейдазимбаевъ выдерживалъ каждого изъ паломниковъ въ своей «дезинфекціонной камере»

въ среднемъ не менѣе 3 сутокъ, взимая за суточное «содержаніе» отъ 3 до 5 руб., и что черезъ эту «камеру» пропущено паломниковъ за этотъ годъ въ оба пути минимумъ 20,000 человѣкъ, и если къ этому еще добавить тѣ 15 проц., какіе онъ получалъ отъ Добровольного флота по нотаріальному договору, то легко можно себѣ представить, какую услугу оказалъ ген. Толмачевъ г. Сейдазимбаеву въ переводѣ ея на звонкую монету.

Съ января мѣсяца сего года Сейдазимбаевъ со своей походной канцеляріей снова находится въ Петербургѣ и работаетъ для реабилитированія себя въ глазахъ правительства и удержанія въ своихъ рукахъ столь выгоднаго для него и для многихъ другихъ предпріятія на прежнихъ началахъ.

Что же это за господинъ?

Кто же не знаетъ въ Туркестанѣ «Сандгани»?! Его всѣ знаютъ и, что поразительнѣе всего, поголовно всѣ совершенно одинакового о немъ мнѣнія!

Это человѣкъ лѣтъ сорока: всегда изящно одѣтый и съ барскими замашками. Онъ развязенъ, недурно владѣть русскимъ языкомъ, хотя лишенъ всякаго образованія. Рысаки, бриллианты, дорогіе духи, бархатный, шитый золотомъ кафтанъ, множество медалей и какіе-то никому невѣдомые звѣзды и ордена, чуть ли не испанскіе и португальскіе,— вотъ его немногія орудія, мистифицирующія простыхъ людей. Біографія этого субъекта такъ же хорошо известна всѣмъ въ Туркестанѣ: она въ общемъ не сложна и однообразна. Онъ—сынъ ташкентскаго сарата, разбогатѣвшаго интенданскими подрядами. Рано потерявъ отца и ставъ обладателемъ чуть ли не миллионнаго состоянія, юный Сандгани бросается въ омутъ веселья. Онъ любимый гость цирка, театральныхъ кулисъ и уборныхъ. Не проходить и десятка лѣтъ, какъ отъ колоссальнаго отцовскаго состоянія остается одно лишь воспоминаніе. Пробуетъ онъ, по примѣру отца, заняться интенданскими подрядами,— но Богъ помогъ ему счастливо выйти изъ этого дѣла, въ то вре-

ми, когда его партнеры по интенданству, одинъ за другимъ попадаютъ въ арестантскія отдѣленія.

Далѣе открывается онъ сначала въ Ташкентѣ, а затѣмъ въ Самаркандѣ «справочную контору по найму прислуги», причемъ въ Самаркандѣ какимъ-то образомъ удается ему заполучить отъ губернатора М. удостовѣреніе, что будетъ издано по Самаркандской области обязательное постановленіе о томъ, чтобы всѣ рабочіе и домашняя прислуга въ области обязаны были получать изъ конторы Сейдазимбаева разсчетныя книжки по 1 р. за книжку. Но губернатору своеуверенно указали на невозможность такого обязательнаго постановленія, и контора г. Сейдазимбаева въ Самаркандѣ, по примѣру ташкентской, превращается просто-на-просто въ консультацию подпольной адвокатуры по разнымъ дѣламъ. Участь этихъ двухъ «конторъ» Сейдазимбаева вполнѣ тождественна. Затѣмъ г. Сейдазимбаевъ перебрасываетъ свою «дѣятельность» въ третью область, Ферганскую: тутъ онъ занимается «операциями» по вексельнымъ взысканіямъ и, послѣдовательно переходя изъ одного города въ другой, наконецъ, совершенно покидаетъ Фергану, предоставивъ своимъ «клиентамъ» и служащимъ распродавать съ молотка жалкіе остатки его квартирной обстановки. Такимъ образомъ, проживъ почти во всѣхъ городахъ Туркестана и оставляя ихъ съ тѣмъ, чтобы болѣе не возвращаться, неутомимый Сандгани пробуетъ искать счастья и въ Закаспійской области (въ Асхабадѣ), а въ 1907 г. всплываетъ въ Оренбургѣ уже въ качествѣ железнодорожнаго подрядчика по нагрузкѣ и выгрузкѣ вагоновъ Ташкентской жел. дороги. Успѣвъ до открытия хищеній на этой дорогѣ перепродать кому-то свой подрядъ тысячъ за 15, г. Сейдазимбаевъ появляется въ самомъ Петербургѣ и, какъ мы знаемъ, онъ великодушно разыгрываетъ здѣсь свою новую роль благодѣтеля паломниковъ-мусульманъ.

Если къ сказанному добавить, что г. Сейдазимбаевъ еще въ бытность свою въ Туркестанѣ затѣвалъ безрезультатную, впрочемъ, переписку съ содержателями московскихъ

петербургскихъ увеселительныхъ, въ родѣ «Акваріума», заведеній обѣ устроить артистического туризма по Евр. Россіи съ сарторами «мальчиками-плясунами» (бачи) съ национальной музыкой, то, полагаемъ,—до известной степени станетъ ясно—кого министерство вн. дѣлъ думаетъ назначить официальнымъ руководителемъ священнаго дѣла паломничества мусульманъ.

Мусульманинъ.

По Туркестану.

(Изъ забытыхъ тетрадей).

II.

Когда я въ 1891 году впервые прибылъ въ совершенно невѣдомый мнѣ Туркестанскій край, мнѣ все, рѣшительно все, казалось тамъ новымъ и чуждымъ, и невольно присматривался я ко всѣмъ сторонамъ мѣстной жизни, столь отличной отъ знакомыхъ мнѣ условій жизни городовъ средней полосы европейской Россіи.

Меня поразило почти полное отсутствіе знакомства представителей мѣстной администраціи съ туземными языками. Лишь очень немногіе представители власти знали хотя бы одинъ изъ мѣстныхъ языковъ, и невѣжество ихъ, особенно наиболѣе высокопоставленныхъ, доходило до того, что относительно бывшаго тогда генераль-губернаторомъ барона Вревского ходили легенды, что онъ долгое время смѣшивалъ слова „аксакалъ“ и „саксаулъ“, изъ которыхъ первое означаетъ „старшина“ (буквальный переводъ—събородый), а второе—особый видъ растенія, произ-

растаящаго въ песчаныхъ степяхъ.

Кстати, небольшое отступленіе въ сторону отъ темы сего дняшняго очерка. На это отступленіе наводитъ меня именно слово „саксаулъ“.

Когда генералъ Анисковъ, строитель закаспійской желѣзной дороги, проводилъ эту линію по закаспійскимъ степямъ, па-

нужды дороги въ изобиліи расходовался саксаулъ; и когда полоса дороги была оголена отъ растительности, строители обратили вниманіе на то, что оголенные пески, образующіе огромные „барханы“, —переносные песчаные бугры,—мѣстами засыпаютъ желѣзодорожный путь и прилежащія селенія. Это обстоятельство не могло не остановить на себѣ вниманіе строителей, рѣшено было одного изъ чиновъ командировать за границу для изученія способовъ борьбы съ переносными песками и ознакомленія съ тѣми растеніями, которыя употребляются тамъ для закрѣпленія песчаныхъ пустынь.

Сказано—сдѣлано. Горный инженеръ отправился въ путь; путешествовалъ довольно долго, былъ въ Египтѣ, Сахарѣ, Алжирѣ, и, наконецъ, возвратился и принесъ весьма цѣнное и „дорогое“ свѣдѣніе, что наилучшимъ средствомъ для борьбы съ песками является засадка ихъ особымъ растеніемъ, хорошо укореняющимся въ пескахъ и крайне неприхотливымъ, и это растеніе называется... саксаулъ. Послѣ такого цѣннаго открытия, стоявшаго казнѣ нѣсколько тысяч рублей, вдоль линіи закаспійской желѣзной дороги начали разводить питомники саксаула, а дальше въ глубинѣ закаспійской степи вырубать богатыя заросли того же самаго саксаула и обнажать пески для дальнѣйшаго ихъ движения. Молва виновникомъ открытия способа борьбы съ песками называла одного горнаго инженера, имя которого въ настоящее время фигурируетъ въ числѣ лицъ, отрѣшенныхъ сенаторомъ Паленомъ отъ должностей.

Но это между прочимъ.

Итакъ, знаніе туземныхъ языковъ не было удѣломъ нашихъ администраторовъ доброго старого времени, какъ далеко не всѣ имѣющіе соприкосновеніе съ туземнымъ населеніемъ теперь административные, судебные и иные чины владѣютъ возможностью объясняться съ тѣми, интересы которыхъ имѣютъ, этимъ всяческимъ